

Майкл Терри

Проклятие

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-312.9
ББК 84(2)6
Т35

Терри М.

Проклятие / Терри М. — Москва: ЛитРес: Самиздат, 2021. — 195 с.

ISBN 978-5-532-98288-8

Прошлое семьи Вудвард хранит страшную тайну, виновники которой давным-давно унесли ее с собой в могилу. Но Патрисии Софт, приехавшей навестить дядюшку, которого она не видела ни разу в жизни, не остается ничего другого, как попытаться раскрыть эту тайну, ведь на кон поставлена ее собственная жизнь.

ISBN 978-5-532-98288-8

© Терри М., текст, 2021
© Omiko Trading LTD., оформление, 2021

Содержание

Пролог	4
1. Рассказ Патрисии	8
2. Рассказ Оби	31
3. Рассказ Марты	38
4. Рассказ Алестера	64
5. Рассказ Хлои	89
6. Рассказ Блэйка	119
7. Рассказ леди Вудвард	126
8. Рассказ Патрисии	152
Эпилог	190

Пролог

Я стою в темном проходе, едва освещаемом светом, проникающим через приоткрытую дверь, расположенную за моей спиной, а по обеим сторонам от меня находятся полки, уставленные гробами. Воздух пропитан торжественной тишиной и сухой прохладой, звуки внешнего мира не слышны.

Где я? Что это за место? Кто эти покойники вокруг меня?

Пытаясь взять себя в руки и не паниковать, я оглядываюсь в полумраке и понимаю, что нахожусь в каком-то сооружении без окон с высоким треугольным потолком. Сделав медленный шаг вперед по проходу, я напрягаю зрение и читаю имя на медной табличке, установленной под ближайшим ко мне гробом:

«Марта Вудвард. 1947 – 1987». Кто эта женщина, которая умерла в год моего рождения? Стараясь не шуметь, я делаю еще несколько шагов и смотрю на очередную табличку:

«Блэйк Вудвард. 1919 – 1961».

Я ежусь от холода и волнения. Не самое приятное чувство – находиться в полумраке в окружении покойников. Среди тех, кто жил когда-то, но теперь навечно упрятан в этом молчаливом месте. Кому, вообще, пришлось в голову не предавать тела земле, а сносить сюда, в это здание? Семейная традиция? Я сглатываю холодный ком и делаю еще несколько шагов вперед.

«Хлоя Вудвард. 1946 – 1959». Совсем ребенок.

Господи, кто все эти люди, которые, судя по всему, являлись родственниками? Что я делаю среди них в их фамильном склепе? В задумчивости я продвигаюсь дальше. Следующий гроб выглядит совсем потемневшим и запыленным, словно стоит здесь уже очень давно.

«Гвенет Вудвард. 1921 – 1946».

И вдруг металлическая дверь за моей спиной с жутким грохотом захлопывается, а меня обволакивает крошечная тьма.

– Эй! – стараясь не пугаться, восклицаю я и торопливо возвращаюсь к порогу. – Что за идиотские шутки?

Толкаю дверь, но она не поддается и стоит, словно влитая. Я чувствую первые нотки страха, поэтому со всей силы барабаню кулаками по ее холодной поверхности и кричу:

– Немедленно выпустите меня!

Но из-за двери не раздается ни звука. Словно там никого нет. Словно по ту сторону толстого металла бездонная пропасть и больше ничего. Словно весь мир прекратил свое существование.

– Это не смешно! – на всякий случай кричу я, продолжая стучать в дверь, хотя в глубине души понимаю, что никто не ответит. Кроме этого, мне начинает казаться, что в сооружении заканчивается кислород. Становится довольно трудно дышать и, как следствие, все сложнее удается сохранять самообладание и не паниковать.

– Зачем вы заперли меня здесь?

Я снова жду ответа, но его, по-прежнему, нет.

Только тишина.

И вдруг за спиной раздается слабый скребущий звук, словно кто-то усиленно скоблит каким-то твердым предметом по асфальту или по поверхности каменной стены.

Или натирает наждачной бумагой грубую поверхность необработанной древесины.

Или точит нож о кусок кремня...

Я медленно разворачиваюсь, пытаюсь убедить себя, что мне это чудится, но нет. Не чудится. Я понимаю, что скрежет идет откуда-то из темноты прохода и он становится сильнее и настойчивее.

«Мыши», – мелькает в голове обнадеживающая мысль. – «Мыши или птицы, которые проникли в мавзолей... А может, кроты?».

Прижавшись спиной к двери, я с тревогой вглядываюсь в черноту, но не вижу дальше своего носа, а скребущий звук становится еще громче, еще интенсивнее.

– Ничего страшного не происходит, – громко говорю я, обращаясь к проходу и стараясь, чтобы мой голос звучал как можно тверже, уверенней и не дрожал от страха. – Это просто старый семейный склеп, в который пробрались какие-то животные. Они не причинят мне вреда.

Скрежет внезапно прекращается и в здании снова воцаряется абсолютная тишина. Я изо всех сил продолжаю таращиться в густой мрак и чувствую, что воздух вокруг становится еще холоднее.

Волосы шевелятся на голове.

Не знаю, каким образом, но я чувствую на себе чей-то взгляд.

Кто-то смотрит на меня.

Этот кто-то обладает прекрасной способностью видеть в темноте. Голова кружится от страха, когда я представляю себе полустлевший скелет, который выбрался из гроба и смотрит на меня пустыми черными равнодушными глазницами. Я пытаюсь выгнать из головы эти нелепые мысли, но у меня ничего не выходит. Все, что остается делать, чтобы не потерять от ужаса сознание и не упасть, это еще сильнее вжаться в дверь, слиться с ней и попытаться стать невидимкой... А в следующую секунду из темноты прохода раздается одиночный шаркающий звук, будто кто-то с трудом переставляет ногу и делает короткий шаг по направлению ко мне.

– Здесь никого нет, – повторяю я, боясь закрыть глаза, чтобы не быть атакованной внезапно. – Здесь никого нет, здесь никого нет, здесь никого нет.

Еще один шаркающий звук.

– Помогите!!! – окончательно потеряв остатки самообладания, кричу я, разворачиваюсь и, что есть силы, колочу кулаками по плотно закрытой двери. – Выпустите меня отсюда!!!

Дверь, по-прежнему, не поддается.

Отступив немного назад, я с разбегу бросаюсь на нее, но моя затея не приносит успеха, зато в правом плече разгорается жгучая боль. Стараясь не обращать на нее внимание, я снова отступаю в темноту и совершаю вторую попытку выбить дверь, но она, как и в первый раз, не пошевелилась ни на дюйм...

Еще один шаг за спиной и на этот раз он слышится гораздо ближе. Кто-то приближается ко мне.

Взвизгнув от безысходности и беспомощности, я снова кидаюсь всем телом на дверь и с силой ударяюсь лбом о ее равнодушную поверхность. Раздается глухой удар, из глаз сыплются искры, а передо мной вспыхивают миллионы ярких пятен. Издав слабый

стон, я медленно опускаюсь на бетонный пол и чувствую на своем лице что-то горячее и мокрое.

Кровь, стекающая из раны на рассеченном лбу, догадываюсь я.

Еще один шаг. Еще ближе.

Прижавшись спиной к двери, я снова замираю, понимая, что мне не выбраться из склепа живой.

Еще один шаг. Совсем рядом.

– Пожалуйста, – молю я, в то время как соленые слезы текут по лицу, перемешиваясь со сладкой кровью и попадая в рот. – Пожалуйста, отпустите меня... Я не хотела потревожить вас... Я не знаю, как оказалась здесь, клянусь...

Еще один шаг.

– Кто-нибудь, помогите мне... – всхлипывая, словно маленькая напуганная девочка, продолжаю шептать я и начинаю отчаянно перекрещиваться. – Mamочка, где ты?

И тут из темноты коридора прямо передо мной появляется женщина, одетая в какие-то изгнившие грязные лохмотья, свисающие до пола. Ее волосы растрепаны, словно она с кем-то боролась несколько минут назад, а на груди и животе я вижу пятна свежей крови. Несмотря на все это, женщина гордо держит спину, ее плечи расправлены, словно она царица, но, в лишенном зрачков взгляде, я вижу муку и скорбь, которыми пропитано ее лицо...

...Вскрикнув, Патрисия проснулась и подскочила в кровати. Бешено оглядевшись по сторонам, она с огромным облегчением убедилась в том, что находится не в старом склепе, а в своей небольшой городской квартире, и ничто не угрожает ее жизни.

Вытерев со лба холодный пот и все еще дрожа всем телом, она перевела испуганный взгляд за окно и с тревогой посмотрела на мерцающие огни ночного Нью-Йорка, а потом откинулась на подушку и задумчиво уставилась в потолок.

Один и тот же сон, который после смерти мамы стал сниться ей все чаще и чаще.

1. Рассказ Патрисии

(12 июня 2020 года)

Никогда в жизни не думала, что окажусь в Гамильтоне. И даже не в самом Гамильтоне, в этом глухом унылом городишке, затерянном среди густых широколиственных лесов в четырехстах милях к северу от Нью-Йорка, а еще в пяти милях от него по узкой, пустынной дороге, уходящей на северо-восток.

Но вот я здесь. И, как выяснилось совсем недавно, оказывается, я уже бывала в этих краях однажды, правда, очень-очень давно, целых тридцать три года назад, когда была младенцем. Об этом перед самой смертью успела поведать мне мама.

Ах, мама, мама...

Ее смерть пришла так внезапно, что я оказалась к этому совершенно не готова, но... Наверное, никто из нас не бывает готовым к смерти самых близких и любимых людей, даже если знает, что их дни сочтены... Не хочу вдаваться в подробности, иначе снова разрыдаюсь и не смогу продолжить свой рассказ... А рассказать, поверьте, мне есть о чём.

Так вот, перед самой смертью мама, задыхаясь и отчаянно пытаюсь оставаться в сознании, рассказала, что в старинном поместье, которое находится неподалеку от Гамильтона, живет мой дядя – Алестер Вудвард – и взяла с меня клятву, что я обязательно проведаю его в самом ближайшем будущем, ведь, кроме него, у меня больше не осталось родных людей на целом свете. Я, нечего не понимая, естественно, спросила, кто он и почему она никогда не рассказывала о нем, на что мама с трудом ответила, что Алестер Вудвард являлся мужем ее покойной старшей сестры Марты, о которой я тоже никогда не слышала, и, после внезапной смерти которой, они больше не виделись с ним, но теперь я, во что бы то ни стало, обязана проведать его и наладить добрые отношения, если...

Если, едва слышно добавила она, он сам все еще жив.

Сначала я не восприняла предсмертные слова мамы всерьез и не хотела ехать в такую даль, отчетливо понимая, что вряд ли нужна

своему дядюшке, точно так же, собственно, как и он мне. Ведь жили мы как-то друг без друга все эти долгие годы и прекрасно справлялись. Спустя пару месяцев после похорон, когда я впервые увидела тот страшный сон, то сначала не придавала ему должного внимания, списав все на излишнюю впечатлительность, вызванную маминым откровением, и даже удивилась тому, как сильно ее последние слова повлияли на мое психоэмоциональное состояние, но после повторения кошмара во второй раз я призадумалась, а когда он приснился в третий раз, я решила на поездку в Гамильтон.

Алестер Вудвард... До сих пор не укладывалось в голове, что у меня есть дядя, который носит точно такую же фамилию, как и все остальные покойники, в фамильном склепе которых я оказывалась запертой. Что бы это все могло значить? Какая связь между Алестером Вудвардом и моим сном?

Я – врач. Человек, который верит в силу науки, а не религии, в силу фактов, а не предположений, в силу знаний, а не мифов, но... В общем, увидев сон в третий раз и, как обычно, подскочив в кровати от ужаса, вызванного встречей с представительницей потустороннего мира, я твердо решила ехать в Гамильтон, потому что поняла, что сон снится не просто так: мне необходимо выполнить последнюю просьбу умершей на моих руках мамы и провести дядюшку Алестера.

Восемь часов пути на север от одного из самых густонаселенных городов мира – и вот я в бескрайних лесах Массачусетса. Проскочив Гамильтон, я направилась на северо-восток и вскоре, свернув возле слегка покосившегося указателя на вымощенную старой брусчаткой дорогу, усыпанную прошлогодней листвой, остановилась перед преградившими мне путь массивными железными воротами, окаймленными потемневшими от времени каменными колоннами, которые соединяла высокая полукруглая арка.

Заглушив двигатель, я с интересом посмотрела в лобовое стекло. «Поместье семьи Вудвард» – гласила старая, затертая, выбитая в арке надпись. Выбравшись из машины, я с наслаждением потянулась, разминая суставы и чувствуя, как кровь приливает к затекшим конечностям, принося телу небывалое наслаждение. Возбодрив-

шись немного, я с интересом огляделась. Стоял прекрасный летний вечер, вокруг меня приветливо шелестели густой листвой могучие раскидистые дубы, щебетали невидимые глазу птицы, а на небе не было ни облачка. Подойдя к воротам, я попыталась отыскать глазами кнопку домофона или еще чего-нибудь в этом духе, но не нашла ничего подобного. Видимо, хозяева поместья не привыкли к гостям или целенаправленно избегают их. Взявшись руками за толстые прохладные металлические прутья и затаив дыхание, я с удивлением посмотрела между ними. Несмотря на бросающееся в глаза запустение сада и газонов, ощущение было такое, что я нахожусь не в Америке двадцать первого века, а в средневековой Англии. Все та же, вымощенная булыжником дорога, вела к солидному особняку, находившемуся немного в отдалении и утопающему в зарослях дикого плюща.

Да это же целый дворец, хоть и довольно несовременный, заворуженно подумала я. Судя по всему, здание было возведено никак не меньше пары сотен лет назад, а может, и того раньше. Вот уж не думала, что имею отношение к какому-то благородному роду, пусть даже и очень косвенное. Почему мама никогда не рассказывала о своей родной сестре Марте, вышедшей замуж за завидного богатого жениха – Алестера Вудварда? Почему я, прожив на свете целых тридцать три года, даже не догадывалась об этом и что произошло такого, что нужно было делать из этого тайну и хранить ее всю жизнь?

Погрузившись в размышления, я еще раз окинула изумленным взглядом особняк. Неужели, я, и в правду, была здесь когда-то, будучи грудным ребенком? Как сильно изменилась я за прошедшие с тех пор годы, в отличие от дома. Думаю, он такой же, что и сто, что и двести лет назад, разве, только немного потемнели массивные стены и плющ разросся так сильно, словно чувствовал себя полноправным хозяином поместья.

Совсем недавно я впервые, пожалуй, пришла к выводу, что человек стареет не в постоянном темпе, секунда за секундой, а скачкообразно, когда внезапно осознает то, что он уже не тот, кем привык знать и ощущать себя. Не так давно я была молодой симпатичной